

Дорогой Евгений Михайлович

Виктор Конторович

“Дорогой Евгений Михайлович!”

На протяжении многих лет так начинались наши письма в редакцию ЖЭТФ. И каждый раз мы получали четкий, иногда краткий, иногда развернутый, но всегда доброжелательный ответ. У меня под стеклом на письменном столе лежит одно из таких писем на бланке журнала. Вот оно.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЖУРНАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

Москва, В-334, Воробьевское шоссе, 2

Тел. 137-56-22

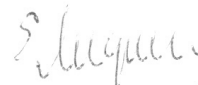
В.И.Пономареву, В.М.Конторовичу,
В.М.Цукернику

3 мая 1973 г.

Глубокоуважаемые товарищи!

Ваша статья “Соотношения подобий для фазового перехода в одномерной спиновой модели” направлена в печать, но просим Вас дополнительно срочно прислать нам другую аннотацию. Аннотация должна быть, с одной стороны, более содержательна /по возможности указать чем именно характерны полученные результаты/, и в то же время более общепонятна. Не всякий, например, обязан знать, что такое “ χ - χ ” модель”. Кстати, хорошо бы избежать этого термина и в заголовке.

Зам. Главного редактора

/Е.М.Лифшиц/

Когда много лет спустя я зашел в редакцию Писем в ЖЭТФ и на стене увидел единственный портрет – скромный портрет Евгения Михайловича, у меня сжалось сердце.

Я познакомился с Евгением Михайловичем Лифшицем после окончания Харьковского университета в 1954 году. Дипломную работу я делал у его младшего брата Ильи Михайловича Лифшица, который возглавлял кафедру теорфизики и читал нам как основной курс статистической физики, так и спецкурсы для теоретиков. Впрочем, Ильмех, как его называли за глаза, был душой всей харьковской теорфизики, которая насчитывала тогда только трех докторов наук: И.М.Лифшица, А.И.Ахиезера и В.Л.Германа. В Харькове среди научной молодежи была популярна история, напоминающая скорее анекдот, о Берте Евзоровне, матери Жени и Лели, как называли братьев близкие друзья. Как-то с ней встретилась на улице давно не видавшая ее подруга. Вернувшись домой, она пожаловалась мужу: «С Берточкой что-то происходит. Она сказала мне, что ее старший сын академик и лауреат Ленинской премии. А потом сказала, что младший сын тоже академик и тоже лауреат Ленинской премии». Это было истинной правдой.

Мы, трое выпускников, Саша Воронель, Моня Канер и я, после окончания университета в 1954 году получили направление в Академию Наук в Москву. Именно так,

в Академию Наук. Не в какой-то конкретный институт, а просто в Академию Наук СССР. Конечно, это была какая-то «пиквикская» ситуация. С одной стороны, мы были блестящими студентами. Особенно, Саша и Моня. Поэтому просто так лишить нас возможности заниматься наукой, о чем мы мечтали все годы учебы, было уже неудобно. Моня закончил две кафедры: теорфизики и экспериментальной физики и защитил две дипломные работы. Саша уже тогда сделал выдающуюся работу по физике критического состояния жидкостей. С другой стороны... Саша быстрее нас разобрался в ситуации и в Москву не поехал. Поехали мы вдвоем с нашим «пиквикским» назначением.

Когда мы приехали в Москву, то убедились, что нам ничто не светит. Но все же мы решили испробовать все возможности. Время было необычное. Прошел всего год со дня смерти Сталина. Во всем царил неуверенность и возможность перемен. В Институте Физических проблем ожидали возвращения отстраненного Сталиным его создателя и первого директора, прославленного физика Петра Леонидовича Капицы. Там ремонтировали туалеты, придавая им европейский вид. Работал знаменитый семинар Льва Давыдовича Ландау. После семинара Ландау обычно расхаживал по институтскому коридору возле актового зала с кем-либо из своих собеседников. Затаив дыхание, мы входили в святая святых, какими нам казались эти стены. Естественно, мы обратились к Евгению Михайловичу, по рекомендации его брата и нашего учителя Ильи Михайловича Лифшица. Евгений Михайлович оказался очень быстрым, очень лысым, очень подтянутым и сухощавым по сравнению со своим полноватым братом. И очень простым в обращении и открытым человеком. Большие глаза светились из-под очков в роговой оправе. Помочь он нам ничем не мог, но предложил, пока суд да дело, сдавать теорминимум Ландау. Тогда же мы познакомились с Исааком Марковичем Халатниковым, который в дальнейшем сыграл важную роль в моей судьбе. Сначала полагалось сдать математику. Конечно, готовиться меж всякими хождениями по инстанциям, по академическим институтам, по различным приемным (приемная Верховного Совета, приемная Президента Академии как народного депутата в том числе) нам было не очень удобно, но как раз математику в нужном для экзамена объеме мы знали достаточно хорошо. К этому времени Харьковский университет не дремал, и подыскал нам более приятное для некоторых его функционеров назначение: учителями в среднюю школу в Тигровую Балку в Таджикистане. Нам нужно было торопиться. Экзамен принимал Евгений Михайлович. После экзамена он привел меня к Ландау. Лев Давыдович полулежал на диване, бегло взглянул на исписанные мной листочки с формулами и внимательно выслушал нашу историю, включая замену назначения на «целинные горы». В том, что касалось экзамена, ЕМ почему-то подчеркнул, что я брал интеграл, не

используя подстановки Эйлера. Договорились о сроке следующего экзамена по механике, который я должен был сдавать уже самому Ландау. Об этом отдельный разговор. И все же нам пришлось вернуться в Харьков. Хотя мы возвращались как бы ни с чем, нам выдали в отделении аспирантуры Академии справку, что не могут предоставить в Москве жилье. Заверенная у нотариуса эта справка стала спасительным документом, и мы смогли устроиться на работу в вечернюю школу. Тем временем наши документы оформлялись в УФТИ, где Александр Яковлевич Усиков создавал новый институт Радиофизики и Электроники, куда нас в скором времени и взяли на работу к профессору Вениамину Леонтьевичу Герману (ВЛ). ВЛ работал в УФТИ и, кроме того, заведовал кафедрой теоретической механики в Харьковском университете. Той самой кафедрой, которой когда-то заведовал великий математик Ляпунов, чья скульптура украшает сейчас Северный корпус университета. Рекомендовали Герману нас наши учителя по физмату, а также наш друг Марк Азбель, уже добившийся признания за яркие работы по теорфизике. Спустя некоторое время ВЛ отправил меня в Москву к ЕМ прочитать (в рукописи!) главу, посвященную магнитной гидродинамике. Это была глава из только что написанного и еще не опубликованного очередного тома Ландау и Лифшица «Электродинамика сплошных сред». Сам ВЛ был асом в этой новой области, но почему-то не спешил публиковать свои работы. Поэтому многие его блестящие результаты оказались «просроченными» и опубликованными другими исследователями.

Рукопись я читал в машинописной копии прямо в кабинете ЕМ. Мне запомнился толстый немецко-русский (?) словарь с удобными вырезами для пальцев над буквами. В комнате был порядок, в шкафу (и на полке над столом) стояло несколько книг, среди них – предыдущие издания Курса. Нужно сказать, что Курс Ландау и Лифшица начинался в Харькове, где Ландау, кроме своей основной работы в УФТИ, читал лекции в Харьковском Университете и Технологическом (Политехническом) институте. Политехнический институт (ныне, конечно, Университет или даже Академия) отметил вклад Ландау памятной доской. На стенах Харьковского университета (когда мы учились, он был имени Максима Горького, теперь имени В.Н.Каразина, одного из создателей университета) подобной доски нет. Впрочем, ходили слухи, что собираются поставить скульптуру. Из Университета, впрочем, Ландау выгнали по доносам его коллег. Ландау круто перестраивал преподавание, а в своих оценках положения вещей не стеснялся, что очень многим не нравилось. Ученики его бурно защищали, их вызывали в Киев (Харьков уже перестал быть столицей) и обзывали «підлабuzниками», т.е. подхалимами. Мне рассказывал это Александр Ильич Ахиезер. Когда много лет спустя он после известной трагедии навестил выздоравливавшего Ландау в больнице, тот встретил его словами «А,

підлабузник!». Я не запомнил, кто из учеников Ландау ездил в Киев, но можно предположить, что ЕМ тоже был среди них.

До войны вышли «Механика» Ландау и Пятигорского и «Теория поля» Ландау и Лифшица. Когда Ландау арестовали (см. «Дело УФТИ»), то, как поговаривали в Харькове, с очередного издания «Механики» была снята его фамилия. Трудно судить, было ли это на самом деле, виноват ли вообще в этом Пятигорский, или какая-то часть вины все же лежит на нем, но после освобождения Ландау переиздал «Механику» уже в соавторстве с Евгением Михайловичем. И с ним продолжал трудиться над всеми остальными томами этого грандиозного курса. Этот курс часто называли Книгой, по понятной аналогии. Воспроизведем первую половину известной среди теоретиков шуточки, что «в Книге нет ни одного слова Ландау ...». В более новых томах эстафету принял Лев Петрович Пятаевский. Не нужно думать, что все проходило совершенно гладко. Например, Яков Борисович Зельдович рассказывал, что как-то на лестнице в институте Физпроблем застал ЕМ, который рассерженный спускался со второго этажа от Дау, как называли Ландау в узком кругу, со словами «Нет, Дау, не буду больше переделывать!». В общем, этот многолетний труд, эта самоотверженность, эта преданность не имеет равных в истории науки. Поэтому тем более обидно, что в книге Кора Ландау в адрес ЕМ прозвучали нелепые обвинения. Впрочем, И.М.Халатников задавал резонный вопрос, а действительно ли Кора писала эту книгу? Ведь никому не были предъявлены ни рукопись (хотя бы одна страница), ни черновики (хотя бы один листок).

ЕМ очень тщательно следил за ссылками в Курсе на работы не только близкого, но и дальнего окружения Ландау. Как-то он позвонил мне домой в Харьков, спрашивая, не рассматривал ли я задачу о взаимодействии звука с тангенциальным разрывом. ЕМ, по-видимому, мог предположить это по кругу моих тогдашних публикаций. Я действительно занимался этой задачей, но результаты не опубликовал, что я и сказал ЕМ. Он был несколько разочарован, и в Курсе была дана совершенно справедливая ссылка на работу английского теоретика Майлса. Для меня же оказалось большой честью, что в Гидродинамике содержатся ссылки на мои работы по устойчивости ударных волн и их взаимодействию со звуковыми волнами.

Как то ЕМ попросил меня выйти ко входу в Институт физпроблем. Он был с фотоаппаратом и собирался меня сфотографировать, как выяснилось позже, для альбома к 50-летию Ландау. К сожалению, пленка в аппарате закончилась и ЕМ попросил меня прислать ему фотографию по почте. Я почему-то постеснялся, о чем жалею до сих пор. А так, был бы я какой-нибудь шестеркой в той колоде карт, в виде которой представляли в альбоме окружение Ландау!

ЕМ зачастую выступал в роли синхронного переводчика, если это требовалось. Он мгновенно схватывал содержание (немудрено, при его энциклопедических познаниях в физике!), а совершенным знанием языков он обязан родителям. В доме был довольно жесткий порядок в этом отношении. Чередовались дни немецкого, английского и французского языков, когда запрещалось говорить в доме по-русски. Удивительно, что ИльМех как-то умудрился обойти эти запреты и языкам так и не научился. Позднее он оправдывался, что в детстве был молчун.

ЕМ обладал удивительным здравым смыслом и, прекрасно зная себе цену, был скромным человеком. Еще во время работы в довоенном Харькове они вместе с Ландау получили феноменологическое уравнение для намагниченности, которое получило название уравнения Ландау и Лифшица и с течением времени приобрело колоссальную популярность. Когда было решено отпраздновать какой-то круглый юбилей этого уравнения, ЕМ сказал, что не видит особого повода, что уж в нем такого – обычное векторное произведение. Выступления ЕМ бывали лишены театральности и пафоса даже в тех случаях, когда слушатели ожидали чего-то подобного. Так, я помню дискуссионное обсуждение проблемы псевдотензора энергии-импульса в общей теории относительности. В Теории Поля содержится подробное изложение этой проблемы, но необычность ситуации как мух привлекает интолкователей, иногда очень сановитых. После весьма красочного выступления одного из таких деятелей выступал ЕМ, который просто взял в руки Теорию Поля и зачитал нужные места. Впрочем, понадобился подробный разбор парадоксов чуть ли не школьного уровня в обзорной статье академика Фаддеева в УФН, чтобы страсти понемногу улеглись.

В редакторской деятельности ЕМ придерживался взгляда, что обилие журналов создает скорее помехи, чем служит науке. Даже ЖЭТФ, по его мнению, трудно заполнить статьями должного уровня. Поэтому он выступал против создания периферийных журналов, даже против журнала Физика Низких Температур, организованного Б.И.Веркиным на базе ФТИНТ в Харькове. Думаю, в этом случае ЕМ ошибся. ФНТ стал прекрасным журналом с высоким рейтингом благодаря высокому уровню сотрудников ФТИНТ и подвижнической деятельности его редакторов, в частности, Вадима Григорьевича Манжеля в последние годы.

То же относилось и к монографиям и учебникам, издаваемым его коллегами. Так, книги Якова Борисовича Зельдовича он считал избыточными второстепенными деталями. Отбор материала ЕМ всегда ставил во главу угла. Впрочем, слишком жесткий отбор не всегда выдерживал испытание временем. Иногда то, что опускалось при первичном жестком отборе, впоследствии выходило на передний план. Например, т.н.

«жесткое» уравнение состояния, которое не обсуждалось в Курсе, но оказалось востребованным в современной космологии, теории черных дыр и «кротовых нор».

Внимательно следя за развитием науки, ЕМ пополнял новыми разделами тома Курса при переизданиях. При этом он обращался к молодым коллегам за помощью. Разумеется, все считали это за честь, не думаю, что нашелся кто-нибудь, кто бы отказался. Так, в Теории упругости появился раздел о континуальной теории дислокаций, написанный Арнольдом Марковичем Косевичем, в Гидродинамике – раздел о странных аттракторах и турбулентности, написанный Михаилом Израилевичем Рабиновичем. Но, когда я говорю «написанный», я тем не менее вижу тексты, вышедшие из под золотого пера ЕМ. Окончательный текст писал несомненно он. В ясности понимания и изложения ему не было равных.

Как памятник, возвышется Книга, как памятник бескорыстному вдохновенному труду Л.Д.Ландау и Е.М.Лифшица во имя науки.

ЕМ любил отдыхать активно, регулярно ездил в горы. Он был прекрасным и, в то же время, здравомыслящим водителем, и если бы Ландау послушал его и не отправился бы на машине в гололед, трагедии удалось бы избежать. Вместе с Зинаидой Ивановной, Зиной, своей женой, ЕМ плыл по Енисею, участвуя в своеобразной пароходной конференции, организованной Георгием Моисеевичем Заславским, который тогда работал в Красноярске. Мы регулярно общались в это время. Мне запомнилась фраза, которую обронил ЕМ в разговоре. ЗИ вспоминала что-то интересное из событий своего редакционного (библиотечного?) прошлого в Институте Физпроблем. Оказалось, что ЕМ с его блестящей памятью это не помнил. Как бы оправдываясь, он сказал: «Я вообще этого мог не видеть, так как только на тебя и смотрел».

Закончу эти краткие воспоминания стихотворением, которое я подарил ЕМ к его дню рождения. Когда мы после этого встретились, ЕМ мне сказал, что рецензирование моих статей будет столь же строгим, как и раньше. А я сказал, что боялся, что оно будет куда более строгим! ЕМ засмеялся.

Е.М.Л.
Жизнь коротка. Сужденье зыбко.
И счастлив, кто сумел взглянуть
На заверченный труд с улыбкой -
Искусства долгодострадный путь.

Звезда Учителя сияла,
И годы творчества вели
Через снега и перевалы
К вершине, видимой вдали.

Подъем окончен. Вот вершина.
Внизу долины и хребты,
Тропа, пройденная отныне,
Осуществленные мечты.

Окончен Труд. И начат вновь...
Стоят тома на полках строго.
И вновь, как к женщине любовь,
К вершинам тянется дорога.

22 апреля 1979г.